

УДК 94(47+57)«1917/1991»
ББК 63.3(2)62

РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СПЕЦЛАГЕРЯХ В 1942–1946 ГОДАХ

В.В. Шевченко

Выявлены и рассмотрены особенности режима содержания советских военнослужащих, вышедших из плена или окружения, в спецлагерях при прохождении специальной проверки в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены также некоторые вопросы правового статуса спецконтингента.

Ключевые слова: спецлагеря, спецконтингент, военнопленные, фильтрационные лагеря, ГУЛАГ, Великая Отечественная война.

Поиски более эффективного решения вопросов проверки вышедших из окружения военнослужащих привели к созданию согласно решению ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г. спецлагерей НКВД и армейских сборно-пересыльных пунктов [10, л. 29]. 28 декабря вышел приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 001735, в соответствии с которым все военнослужащие, вышедшие из плена или окружения, должны были проходить специальную проверку в спецлагерях, получая на время проверки статус «бывших военнослужащих» или «спецконтингента».

При анализе правового положения спецконтингента одним из основных является вопрос, связанный с режимом содержания в спецлагерях.

Хотя многие исследователи, например А.Б. Суслов [17, с. 68], отмечают определенное сходство в режиме и условиях содержания спецконтингента в спецлагерях с заключенными ИТЛ, однако существовал целый ряд принципиальных различий. Режим, как и состав лагерей, не был статичным на всем протяжении их существования.

Изначально моменты, связанные с режимом и общими правовыми условиями содержания в спецлагерях, регламентировались «Временной инструкцией о порядке содержа-

ния в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника» [14, л. 9], которая, несмотря на формулировку «временная», действовала до второй половины 1943 г., когда она была дополнена директивой НКВД и НКГБ СССР № 494/94. Фактически данная директива не внесла существенных корректив в порядок содержания бывших военнослужащих, касаясь порядка содержания в спецлагерях только пособников оккупантов и гражданских лиц. К 1945 г. установленный порядок уже в меньшей степени соответствовал складывающейся обстановке, поэтому в начале 1945 г. действовавшие инструкции были дополнены «Инструкцией о порядке содержания спецконтингентов» [7, л. 56–58].

С самого начала функционирования спецлагерей существовали моменты, которые объединяли «бывших» с «настоящими» военнослужащими. В первую очередь устанавливалась субординация в соответствии с уставом РККА. Эта субординация сказывалась и на отношениях спецконтингента с персоналом лагеря. В целом же можно говорить о том, что устав РККА был ведущим документом, определявшим порядок в спецлагере. Кроме того, бывшие военнослужащие продолжали получать денежное довольствие, соответствующее их воинскому званию и должности в РККА. Начальник лагеря наделялся дисциплинарными правами командира полка. Причем он не мог налагать взыскания на старших офицеров

[14, л. 9]. Были случаи, когда офицеры, попавшие в лагерь, просто игнорировали распоряжения администрации, поскольку ее представители были ниже по званию. В таких случаях начальнику лагеря приходилось обращаться непосредственно в НКВД СССР [5, л. 2]. По более серьезным правонарушениям, совершенным во время нахождения в спецлагере, спецконтингент нес ответственность согласно Уголовному кодексу РСФСР [14, л. 9].

Существовали и определенные бытовые моменты, сближавшие спецконтингент с военнослужащими. Например, в лагерях допускалось ношение форменной одежды со знаками отличия и различия.

Помимо этого бывшие военнослужащие имели право: хранить и, естественно, использовать продукты питания, постельные принадлежности, посуду, неазартные игры (шашки, шахматы, домино и т. д.), починочный материал, газеты и журналы, предметы туалета.

Вместе с тем существовал ряд ограничений, накладываемых на спецконтингент, которые, по мнению некоторых исследователей, например А. Сулова или Е. Вертилицкой, приравнивали его по положению к интернированным или даже заключенным ИТЛ [1, с. 83; 17, с. 68].

Согласно «Временной инструкции...» бывшим военнослужащим запрещалось: играть в азартные игры, хранить оружие, боеприпасы, фото- и радиоаппаратуру, бинокли, компасы и военно-топографические карты и планы местностей. Хотелось бы акцентировать – именно военные, то есть с нанесенными данными о частях и подразделениях – данными секретными и разглашению не подлежащими в любом случае. По большому счету, ограничения по номенклатуре разрешенных предметов не отличались от подобных ограничений для военнослужащих тыловых частей.

Существовали и ограничения, характерные не только для военнослужащих, но и вообще для граждан РСФСР: например, запрещалась продажа вещей и имущества, принадлежавших лагерю, их незаконное присвоение или хищение. Запрещалось также хранение и употребление алкоголя и наркотических веществ. В отношении наркотических веществ в УК РСФСР существовала ст. 103, которая

предусматривала уголовную ответственность, в том числе и за хранение наркотических веществ. Ограничения же, а точнее, запрет на употребление алкоголя существовали и существуют практически на всех предприятиях.

Таким образом, мы можем утверждать, что ограничение свобод спецконтингента вполне сопоставимо с ограничениями, накладываемыми не столько на заключенных ИТЛ, сколько на военнослужащих.

Существовали некоторые финансовые ограничения, наложенные на бывших военнослужащих. Хотя в 1942–1943 гг. спецконтингент и получал денежное довольствие в соответствии со своим воинским званием, однако сумма денег, которую можно было иметь на руках, была ограничена 50 рублями. Остальные же средства должны были поступать на хранение в финансовую часть лагеря и выдаваться только с разрешения начальника лагеря [14, л. 10]. Чтобы оценить тяжесть данного ограничения, необходимо обратиться к показателям денежного довольствия военнослужащих, действовавшим на тот момент. Так, например, сумма денежного довольствия красноармейца первого года службы составляла 8 рублей 50 копеек. Второго года службы – 10 рублей. Старшина получал довольствие в размере 32 рублей 50 копеек [15]. Таким образом, финансовое ограничение носило по большому счету формальный характер и могло оказывать реальное влияние только на офицерский состав.

С началом трудового использования спецконтингента в контакте с вольнонаемными рабочими установленные лимиты наличия денежных средств на руках у спецконтингента начали носить характер дополнительного ограничения для различных злоупотреблений. В частности, они стали некоторым препятствием для покупки спецконтингентом спиртных напитков у населения, факты которой неоднократно фиксировались, например, начальником лагеря № 0108 [5, л. 28]. По этой причине он предпринял шаг, связанный с нарушением инструкции, а именно, ограничил сумму, которую спецконтингент мог иметь на руках, 10 рублями. Практически сразу он получил предупреждение за нарушение и отменил свой приказ.

В целом, нарушения дисциплины отдельными представителями спецконтингента были

явлением весьма распространенным. Чаще всего встречались нарушения, связанные с попыткой уклониться от работ: симуляция болезни, самовольный уход с работы, отказ выходить на работу и т. д. [12, л. 119].

В некоторых лагерях, например в № 0108, № 174 и ряде других, были отмечены факты хранения спецконтингентом запрещенных предметов и алкоголя, несмотря на систематически проводимые проверки [3, л. 49].

В целях борьбы с нарушениями дисциплины в 1944 г. в лагерях вводятся так называемые особорежимные бригады, в которые направлялись нарушители режима после отбытия дисциплинарного наказания. Данные бригады предполагалось использовать на наиболее тяжелых работах. Если в течение двух месяцев человек работал без замечаний, то его переводили в обычную бригаду. Особые бригады должны были содержаться в отдельных помещениях, с усиленным конвоем, без постельных принадлежностей и с питанием по нормам ИТЛ [11, л. 236].

Из вышесказанного следует, что в правовые условия, сопоставимые с заключенными ИТЛ, спецконтингент из числа военнослужащих мог попасть только в случае систематического или грубого нарушения дисциплины.

Существенным моментом было физическое ограничение свободы бывших военнослужащих, то есть собственно их содержание в лагере. Само по себе ограничение свободы передвижения военнослужащего является абсолютно нормальным явлением. Как известно, даже в настоящее время самовольное оставление расположения подразделения влечет за собой уголовную ответственность. В условиях же военного времени, когда увольнительные в значительной части подразделений отменялись, подобный шаг не был чем-то принципиально исключительным. Вопрос — в непосредственной организации данного расположения.

Если рассматривать вышеупомянутую «Временную инструкцию...», то сам по себе спецлагерь мало отличался от колонии. Он должен был быть изолирован ограждением из колючей проволоки, обнесен забором не менее 2,5 м высотой, в тех районах, где нет светомаскировки, оборудован световыми

точками для освещения зоны лагеря в ночное время и т. д. [14, л. 9]. То есть имел мало общего с оборудованием места дислокации военной части.

На практике дела же обстояли несколько по-другому. Например, что касается организации охраны лагеря № 0108, то Т.А. Савина в своей работе указывает, что лагерь был полностью оборудован, обнесен колючей проволокой и т. д. к концу мая 1943 г. [16, с. 95]. Однако, по-видимому, это не вполне соответствует действительности. В акте о проверке данного лагеря, датированном 22 октября 1943 г., указывается, что лагерь «не имеет ограждения, освещения территории лагеря, а также то, что эта территория фактически представляет собой свалку железа, бетона» и т. д. [4, л. 127]. Данный факт позволяет утверждать, что лагерь был не оборудован. То есть налицо прямое нарушение всех возможных инструкций. Расхождение между тем, что говорит Т.А. Савина, и тем, что мы видим из упомянутого документа, объясняется тем, что, по-видимому, она пользовалась данными из официального отчета об организации данного лагеря.

Можно отметить, что подобное вовсе не было единичным явлением. Подтверждением этому служит телеграмма «о несвоевременной подготовке некоторых спецлагерей». Она была направлена начальнику лагеря № 0108, вероятнее всего, в качестве предупреждения, поскольку лагерь № 0108 в ней не упоминается. Примечательно, что ни о каких карательных мерах в данной телеграмме не говорится [2, л. 48]. Отсутствие взысканий объясняется рядом факторов. Во-первых, тем, что вывод спецконтингента на работы лагерями осуществлялся независимо от состояния самого лагеря. Во-вторых, побеги из лагерей были единичным явлением. В-третьих, руководство ГУПВИ, по-видимому, учитывало определенный дефицит, сложившийся на местах. Во многом данная проблема сложилась из-за невыполнения своих обязательств наркоматом обороны. Так, например, колючая проволока в лагерь № 0108 просто не была поставлена. В ответ на запрос о поставке проволоки, направленном начальником лагеря Емельяновым в УПВИ, пришел ответ, что этот вопрос находится в ведении

НКО [2, л. 64]. В ответ на аналогичный запрос, отправленный в НКО, был получен ответ, что вопросы, связанные с содержанием спецконтингента, находятся в ведении УПВИ [там же, л. 66].

В целом можно отметить достаточно мягкое отношение к оборудованию спецлагерей во время их функционирования в системе ГУПВИ. Подобное явление, помимо вышеупомянутых проблем со снабжением, объясняется еще и тем, что в данных лагерях содержались не преступники, а обычные военнослужащие, то есть законопослушные граждане, среди которых могли быть шпионы и изменники Родины, которых и надо было выявить. Подавляющая же часть после проверки возвращалась снова в действующие части, поэтому содержание их в условиях, максимально приближенных к условиям ИТЛ, было не целесообразно. Это отрицательно сказалось бы на их моральном состоянии – факторе, которому уделялось огромное внимание. Кроме того, подобная информация, попав в действующие части, отрицательно могла сказаться и на их боевом духе, поскольку подтверждала постулаты пропаганды противника.

Ситуация изменилась с 1944 г., когда начал меняться состав спецконтингента. В частности, на начальников лагерей начали накладываться взыскания даже из-за недостаточного количества точек освещения периметра лагеря [8, л. 64]. Кроме того, на спецконтингент так называемой 2-й учетной категории не распространялось действие устава РККА, по-прежнему обязательное для первой [7, л. 56]. Данная мера является вполне закономерной, поскольку данные лица, как правило, не принимали воинскую присягу.

С самого начала категорически запрещалось проживание спецконтингента вне лагеря. Однако данное правило могло нарушаться при выводе спецконтингента на работы на удаленные объекты, например в подсобные хозяйства. Запрещалось самовольное перемещение по лагерю. Перевод из одного барака в другой осуществлялся только с разрешения руководства лагеря с соответствующей отметкой в учетном отделе.

При рассмотрении режима содержания в спецлагерях также необходимо остановить-

ся и на моментах, связанных с конвоем. Согласно инструкции, лагеря должны были обеспечиваться конвоем из состава Особых конвойных войск НКВД СССР. По состоянию на 1943 г. лимит охраны спецлагерей определялся количеством спецконтингента, в них содержащегося, из расчета 50 человек охраны на 1 000 человек спецконтингента, то есть 5 % или 1 человек боекомплекта конвоя на 20 человек спецконтингента [2, л. 29]. Для сравнения, лимит конвоя для военнопленных составлял 1 человек боекомплекта на 8 человек военнопленных, а для заключенных ИТЛ – 1 на 10 человек.

Согласно приказу НКВД № 0019351 с 1944 г. лимит охраны устанавливался в 6 % от количества содержащегося спецконтингента [13, л. 18]. В июне 1945 г. был установлен новый лимит в 15 % [9, л. 63].

Подобное увеличение лимитов объясняется в первую очередь сменой состава спецконтингента. На фронте высвободились значительные силы, которые можно было использовать, в том числе, и для охраны спецлагерей. Таким образом, сразу после окончания войны лимит конвоя спецконтингента становится значительно выше лимита конвоя ИТЛ.

Вместе с тем на протяжении практически всего периода существования в спецлагерях существовали определенные трудности с укомплектованностью конвоем. В целом по стране по состоянию на начало 1943 г. укомплектованность спецлагерей конвоем составляла около 60 %. К концу того же года данный показатель составил примерно 67 %. Можно утверждать, что полной расчетной численности конвой спецлагерей достиг только по окончании Великой Отечественной войны.

Еще одним важным моментом в режиме содержания спецконтингента являлся запрет на переписку с родственниками. Однако в условиях, когда спецконтингент работал на предприятиях вместе с вольнонаемными рабочими, данное правило нередко нарушалось. Поскольку бороться с подобными нарушениями было бесполезно, приняли решение официально разрешить переписку тем бывшим военнослужащим, кто выполнял или перевыполнял производственный план. Причем получение подобного разрешения не зависело от того, прошел данный военнослужащий спецпроверку или нет.

Например, К.Н. Дремкова, жена проходящего проверку бывшего военнослужащего И.Н. Дремкова, в своем заявлении на имя начальника отдела спецлагерей НКВД СССР утверждала, что ее муж все еще не прошел проверку, хотя ему как выполняющему производственные нормы разрешена переписка с родственниками [6, л. 278]. Причем видно, что ей известны все подробности содержания в спецлагере, которые она могла узнать только из писем мужа. В частности, особенности расстановки спецконтингента на внутрилагерных работах с указанием конкретных фамилий [там же].

Обращаясь к правовому статусу спецконтингента в сравнении со статусом заключенных ИТЛ, следует отметить ряд принципиальных моментов. Срок содержания человека в ИТЛ определялся решением суда и мог превышать 10-летний порог. В спецлагерях же (ПФЛ) содержались граждане, за редким исключением, в отношении которых отсутствовало какое-либо судебное решение. По этой причине срок пребывания в спецлагере изначально определялся исключительно интересами проверки. С распространением использования труда спецконтингента на первое место выходит заинтересованность в каждом конкретном человеке как в рабочей силе. Примерно в этот же период появляются и определенные ограничения сроков спецпроверки, о которых говорилось ранее. Однако регламентирование сроков спецпроверки не означало ограничения сроков пребывания в лагере, поскольку спецконтингент мог оставаться в лагере и после прохождения фильтрации.

Важнейшим отличием было наличие в спецлагере именно воинской субординации с обращением, предусмотренным уставом РККА. Причем данная субординация присутствовала как в обращении спецконтингента друг с другом, так и в обращении персонала лагеря со спецконтингентом. Обращение «товарищ» формально свидетельствовало об отсутствии «приниженного» положения спецконтингента. Оно обозначало признание социального равенства спецконтингента как с персоналом спецлагерей, так и с прочими советскими гражданами. В ИТЛ же было принято обращение «гражданин», отделявшее заключенных от персонала лагерей и прочих советских граждан. То есть формально они по-прежнему оставались гражданами, но их социальный статус был несколько ниже, чем у остальных в силу

совершенных ими преступлений. В случае же со спецконтингентом признавалось, что никаких преступлений он не совершал, пока не доказано обратное. Таким образом, утверждение ряда исследователей о том, что бывшие военнопленные «считались людьми второго сорта», не вполне корректно и может быть оспорено. Можно констатировать, что такому элементу дисциплины, как обращение «товарищ», придавалось довольно большое значение. Так, после принятия директивы НКВД № 494/94 дополнительным письмом предписывалось ввести в лагерях для спецконтингента 2-й учетной группы обращение «гражданин» [3, л. 3].

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что положение спецконтингента из числа бывших военнослужащих, освобожденных из плена или окружения, в лагерях мало отличалось от положения военнослужащих тыловых частей. Режим содержания отличался от предписанного инструкциями и был намного мягче. Значительное ужесточение режима отмечается только к 1945 г., что связано со сменой специфики спецконтингента. Статус и режим содержания спецконтингента второй учетной группы изначально отличался и был гораздо ближе к статусу заключенных ИТЛ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вертилецкая, Е. В. Репатрианты в Свердловской области в 1943 – начале 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Вертилецкая. – Екатеринбург, 2004. – 235 с.
2. ГАВО. – Ф. 1128. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ГАВО. – Ф. 1128. – Оп. 1. – Д. 3.
4. ГАВО. – Ф. 1128. – Оп. 1. – Д. 5.
5. ГАВО. – Ф. 1128. – Оп. 1. – Д. 16.
6. ГАВО. – Ф. 1128. – Оп. 1. – Д. 18.
7. ГАРФ. – Ф. 9408. – Оп. 1. – Д. 2.
8. ГАРФ. – Ф. 9408. – Оп. 1. – Д. 7.
9. ГАРФ. – Ф. 9408. – Оп. 1. – Д. 16.
10. ГАРФ. – Ф. 9408. – Оп. 1. – Д. 53.
11. ГАРФ. – Ф. 9408. – Оп. 1а. – Д. 118.
12. РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 23а. – Д. 14.
13. РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 32. – Д. 14.
14. РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 37а. – Д. 2.
15. Руководство для бойца пехоты. Управление Боевой Подготовки РККА. – М. : Воен. изд-во Нар. комиссариата обороны СССР, 1940. – 118 с.
16. Савина, Т. А. Документы управления проверочно-фильтрационного лагерного отделения № 0108 об использовании на восстановлении г. Сталинграда

спецконтингента в 1943–1945 гг. / Т. А. Савина // Окончание войны в Сталинграде и Кельне : материалы науч. конф. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – С. 94–100.

17. Суслов, А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / А. Б. Суслов. – Пермь : Изд-во УРГУ, 2003. – 424 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГКО – Государственный Комитет Обороны.

ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь.

НКВД – Народный комиссариат Внутренних дел.

НКО – Народный комиссариат обороны.

ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь.

РГВА – Российский государственный военный архив.

УПВИ – Управление по делам военнопленных и интернированных.

STATUS OF FORMER SOVIET SOLDIERS IN SPECIAL CAMPS IN 1942–1945

V.V. Shevchenko

The author dwells on the peculiarities of the regime for the Soviet military men who escaped the captivity and encirclement in days of the Great Patriotic War. The legal status of special contingent imprisonment in special camps for specific checking at that period is viewed in the article.

Key words: *special camps, special contingent, prisoners of war, filtration camps, GULAG, Great Patriotic War.*